

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЦЕПЦИИ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

УДК 009

А.В. Нагорная

ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Данная статья содержит обзор современных гуманитарных исследований перцептивных процессов. Описываются факторы, способствовавшие формированию проблемного поля «перцепция», рассматриваются основные направления исследований, определяется роль лингвистики как средства интеграции гуманитарного знания.

Ключевые слова: гуманитарные науки; меж- и трансдисциплинарные исследования; перцептивные процессы; сенсориум.

The paper contains a review of contemporary research into perceptual processes carried out in the Humanities. The paper identifies the factors that have contributed to a rapidly growing interest in perception as a research issue, considers current trends and defines the role of Linguistics as a means of integrating humanitarian knowledge.

Keywords: the Humanities; inter- and transdisciplinary research; perceptual processes; sensorium.

Способность испытывать ощущения издавна признается одной из сущностных характеристик человека и необходимым условием для его выживания в мире и приобретения знаний о нем. Неслучайно еще в XVIII в. И.Г. Гердер назвал человека «всеобщим сенсориумом», эксплицитно сформулировав представление, которое в той или иной форме присутствовало во множестве философских течений и школ.

Будучи объектом пристального научного внимания на протяжении столетий, сфера человеческих ощущений остается, однако,

столь же малоизученной и противоречиво трактуемой, как и 2,5 тыс. лет назад, когда Аристотель полагал, что источником всех ощущений является сердце.

О недостаточной изученности сферы ощущений говорит хотя бы тот факт, что ученые до сих пор не могут достичь консенсуса в решении столь базового, основополагающего вопроса, как количество ощущений и их классификация.

Традиционно считается, что человеческий сенсориум имеет пятичастную структуру и включает в себя зрение, слух, осязание, обоняние и вкус. Эта классификация была предложена еще Аристотелем и прочно закрепилась в сознании любого представителя так называемой западной культуры. Тем не менее в литературе неоднократно высказывалась мысль о том, что эта пятичленная модель не является научно обоснованной, и в ее основу, скорее всего, были положены нумерологические принципы, желание вписаться в «красивое» число, а не философские соображения и уж тем более не научные изыскания [Synnott, 1993, p. 155]. Именно этот классификационный эстетизм вдохновил десятки художников и скульпторов на создание разнообразных аллегорий ощущений, внося тем самым неоценимый вклад в развитие европейского искусства (Я. Брюгель, П. Рубенс, Г. де Лэресс, Л. Финсон, Ж. Линар, Т. Ромбоутс, Г. Макарт и др.). Вклад в науку оказался куда менее однозначным. Уже Гален говорил о существовании шести ощущений. В более поздние периоды ученые выделяли от восьми (М. фон Фрей) до двенадцати (Э. Дарвин, А. Соесман).

Неудовлетворенность «традиционной пенталогией» [Serres, 2008, p. 3], желание дополнить ее ощущались и за пределами научных дискурсов, в бытовом, повседневном общении. Неслучайно во многих языках мира сформировалось понятие «шестое чувство» (ср. англ. «the sixth sense»), которое, в отличие от традиционных пяти, так и остается неопределенным, неназванным, предоставляя каждому возможность дать свой собственный, наиболее близкий ему ответ. На роль шестого чувства претендуют интуиция, экстра-сенсорное восприятие, чувство прекрасного, чувство юмора и множество других чувств и ощущений, причем, что примечательно, в рамках наивной, ненаучной картины мира не принято проводить четкой границы между ощущением и чувством, между физическим и метафизическим, между органическим и духовным.

Еще более сложной картина становится в том случае, если мы выходим за пределы конвенций, принятых в западной культуре, и обращаемся к изучению сенсориума человека, воспитывающегося в других традициях. В культуре народности анло-эве, например, одним из главных ощущений признается баланс, поскольку с ранних лет способность балансировать предметы на голове является важнейшей частью жизни людей. Еще более интересно то, что в культуре этого народа сформировано понятие *seselelame* – ощущение внутреннего органического чувства [Geurts, 2002, p. 52]. У народности цоциль, принадлежащей племенам майя, культивируются температурные ощущения; для десана в Амазонии большое значение имеет кросс-сенсорное, или, как мы бы сказали, синестетическое, восприятие; в Перу в галлюциногенном опыте различается специальный модус «синестетического зрения»; у народов Западной Африки наблюдается способность к различению различных нюансов «мышечных ощущений» (см., например: [Howes, 2006]). Изучая подобные факты, американский антрополог Эдвард Т. Холл высказал мысль о том, что «люди, принадлежащие различным культурам, не только говорят на разных языках, но и, что, возможно, важнее, *населяют различные сенсорные миры*» [Hall, 1966, p. 2] (Ред. – А. Н.).

Учитывая эту кросскультурную перспективу, проблема создания исчерпывающей номенклатуры ощущений представляется весьма трудноразрешимой. В определенном смысле выход из этого эпистемологического тупика предложили физиологи в начале XX в., используя имевшиеся на тот момент методы точного исследования. Так, в 1906 г. Ч. Шеррингтон предложил выделить три группы ощущений: 1) *экстероцептивные* – возникающие при воздействии на рецепторы, расположенные на поверхности тела; 2) *проприоцептивные*, или кинестетические, – возникающие при воздействии на рецепторы, расположенные в мышцах, сухожилиях и суставных сумках и свидетельствующие о движениях и относительных положениях частей тела; 3) *интероцептивные*, или органические, – обусловленные обменными процессами во внутренней среде организма [Sherrington, 1906]. Разумеется, Шеррингтону не удалось поставить точку в многовековых спорах, но он внес некоторое упорядочивающее начало, положив в основу научный, эмпирический критерий и задав определенные концептуальные векторы в исследовании перцепции.

Вопрос о номенклатуре ощущений продолжает оставаться дискуссионным и в наши дни. Но еще большую важность и остроту приобретают многие другие проблемы, связанные с человеческой «сенсорной экипировкой» и способностью к ее использованию.

На рубеже XX и XXI вв. перцептивная проблематика, которая традиционно закрепились за психологией и философией, совершает активную экспансию в другие гуманитарные науки – культурологию, социологию, антропологию, литературоведение и лингвистику.

Этот новый всплеск интереса к изучению перцепции был вызван сложной совокупностью факторов. К числу основных из них, по-видимому, следует отнести общий парадигмальный сдвиг, связанный с помещением человеческого тела в эпицентр научных исследований. Ученые называют этот процесс «реабилитацией тела как объекта познания» [Быховская, 2000, с. 5], «радикальной переоценкой тела» и «возданием ему должного» [Sheets-Johnstone, 1992]. Изменение отношения к телу естественным образом способствовало росту интереса к изучению различных аспектов его бытия, в том числе и сферы ощущений.

Этот научный сдвиг явился не только результатом формирования соответствующего научного климата, но и ответом на определенный социальный заказ. Существенно изменились образ жизни современного западного человека и та среда, которая его окружает, и эти изменения потребовали серьезного научного осмысления. Формирующаяся сенсорная среда предлагает принципиально новый набор так называемых аффордансов – т.е. спектр возможных телесных взаимодействий с ней, предполагающих получение сенсорной информации. Как справедливо отмечал французский живописец и скульптор Фернан Леже, еще в середине XX в., «...в наше время простой человек получает в сотни раз больше сенсорных впечатлений, чем художник, живший в XVIII в.». Однако с того момента, как Леже сделал это наблюдение, прошло более 70 лет, и сенсорная среда претерпела за это время кардинальные изменения. Пожалуй, главное из них связано с развитием цифровой среды, предлагающей принципиально новые способы восприятия реальности и существования в ней. Изменилось само представление о том, как взаимодействуют различные органы чувств и как ими следует пользоваться. Наглядной иллюстрацией тому является получивший широкую известность в Интернете ролик, в

котором годовалая девочка, привыкшая воспринимать зрительные образы на iPad, пытается применить те же принципы при взаимодействии с более традиционными бумажными изображениями. Она пытается переместить изображение на странице с помощью пальцев и увеличить его¹. Для нее связь зрительного восприятия с тактильным навсегда будет отличаться от нашего, традиционного, до-iPadного, и для нее журнал всегда будет «сломанным iPadом». Этот ребенок уже не тот типичный европейский «человек-глаз», о котором говорил Л. Окен, а человек «руко-глаз». Последствия такого погружения в цифровую среду пока оценить трудно, поскольку сама технология появилась лишь в 2010 г., и проводить лонгитюдные исследования пока не представляется возможным, но проводить их, очевидно, необходимо, причем оценка изменений требует не только фиксации новой архитектуры нейронных связей, но и глубокой философской рефлексии, психологических исследований и выстраивания определенной дидактико-педагогической перспективы, учитывающей новые перцептивные привычки современного человека. К другим, менее заметным инновациям, существенно изменяющим наши перцептивные привычки и обогащающим нашу «сенсорную экипировку», относятся 3D технологии, виртуальные манипуляторы, тепловизоры, компьютерные томографы и множество других.

Потребность в научном исследовании перцептивных процессов связана и с формированием концепции инклюзивного общества, предполагающей построение безбарьерной среды для всех категорий граждан, а такая среда неизбежно должна учитывать их перцептивные ограничения и те технологические возможности, которые помогут эти ограничения преодолеть.

Существуют и куда менее благородные, сугубо прагматические цели: воздействие на сенсориум с целью продвижения продукции на рынке, создания сенсорно-эффективной рекламы, воздействующей на самые базовые, дорассудочные модусы познания.

Необходимо отметить также, что росту научного интереса к перцептивной проблематике в немалой степени способствовало и появление нового методологического и методического инструментария. Феноменологическая концепция М. Мерло-Понти, теория аутопозеза У. Матураны и Ф. Варелы, теория воплощенного

¹ Mode of access: <http://www.youtube.com/watch?v=aXV-yaFmQNk>

мышления (*embodied cognition*) и созданная на ее основе теория воплощенного значения (*embodied meaning*) (А. Кларк, Л.А. Шапиро, Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.) позволили подойти к изучению перцептивных процессов на качественно новом уровне, способствуя синтезу знания и развитию эмпирических исследований в данной области. Дополнительным толчком к исследованию перцепции послужило формирование когнитивной парадигмы в психологии (В.Н. Дружинин), культурологии (Е.Я. Режабек, А.А. Филатова) и лингвистике (У. Крофт, Д.А. Круз, Р.У. Гиббс, Б. Берген и др.).

Чрезвычайно важным представляется и формирующаяся концепция меж- и трансдисциплинарности, создающая условия для конструктивного, взаимообогащающего диалога между представителями различных дисциплин и оправдывающая необходимость выхода за пределы дисциплинарных границ при исследовании феноменов, характеризующихся «нередуцируемой многомерностью» [Киященко, 2009, с. 11].

Рассмотрим вопрос о том, как расставлены акценты в современных гуманитарных исследованиях перцепции и какие направления в ее изучении формируются в настоящее время.

Отправной точкой современных гуманитарных исследований является положение о том, что ощущение не есть простая физиологическая реакция организма. Оно всегда представляет собой «культурную производную», продукт «сложного взаимодействия тела и разума» [Morris, 1993, p. 27] и формируется в результате усвоения и «присвоения» индивидом культуры, в которой он воспитывается [Vannini, 2012].

Эта идея на протяжении уже 50 лет активно обсуждается историками и антропологами. Ведущими учеными в области антропологии ощущений являются М. Маклюэн и Д. Хауз, которые предприняли попытку создания «перцептивных профилей» различных обществ.

М. Маклюэн полагает, что различие между западной культурой и Востоком, а также «племенной» культурой Африки объясняется разным «соотношением ощущений», обусловленным технологическим прогрессом и принципами коммуникации. Он высказывает предположение, что в своем сенсорном, перцептивном развитии общество проходит четыре стадии: устно-слуховую, рукописную, типографскую и электронную. В устно-слуховых обществах основу коммуникации составляет речь. В таком обществе слух имеет

большое значение, так же как и осязание и обоняние, поскольку для общения люди собираются вместе, и прикосновения и запахи составляют часть этого синестетического коммуникативного комплекса. По мнению Маклюэна, все бесписьменные сообщества имеют одинаковый синестетический сенсориум, в котором преобладает слух.

На рукописной стадии устно-слуховой модус вытесняется зрительным. Принципиально важную роль в этом процессе играет фонетический алфавит, которому Маклюэн отводит роль ведущей силы в переходе человека от племенной к цивилизационной фазе, поскольку он дает нам вместо уха глаз. Рукописная культура, по мнению ученого, является аудиально-тактильной по сравнению с культурой печатной. Средневековый человек, как утверждает Маклюэн, читал не глазами, как сейчас, а губами, проговаривая то, что он видел, и ушами, вслушиваясь в произносимые слова, слыша то, что называется «голосом страниц». И лишь с введением книгопечатания сформировалась «сенсорная галактика Гуттенберга» — мир, в котором зрение стало главным, затмив все остальные виды перцепции. Вызванная книгопечатанием революция связала воедино зрение и логику, зрение и мышление, зрение и объективность. В отличие от звука, который проникал в слушателей и окружал их, зрение объективировало то, что было видимо, предоставляя зрителю перспективу, расстояние, баланс, отстраненность и ощущение самости. Наступила гегемония глаза, являющаяся ярчайшей чертой западного общества, отличающего его от Востока и примитивной Африки. По Маклюэну, последняя стадия, электронная, воссоединяет ощущения, наглядным доказательством чему служит упомянутая ранее девочка с iPad [McLuhan, 1962].

Отдельное, хотя и не совершенно самостоятельное направление исследований составляет история ощущений, задача которой формулируется как определение их значения и функций в том или ином историческом контексте. Предлагается изучать «перцептивные измерения истории» и писать об ощущениях с той же полнотой и точностью, которой мы требуем от себя, когда обсуждаем политику, философию и социальные движения [Smith, 2007].

Перцептивная проблематика активно и планомерно осваивается культурологами, работающими в условиях активного диалога с историками и антропологами. Появляются исследования с весьма показательными названиями: «Культурная история осязания»

[Classen, 2012], «История боли: От молитв до болеутоляющих» [Bourke, 2014], «Культура боли» [Morris, 1991], «Культуры слуха: очерки о слухе, слушании и модернизме» [Erlmann, 2004], «Сандаловое дерево и мертвечина: Запах в индийской религии и культуре» [McHugh, 2012] и множество других.

Перцепция как научная проблема весьма значима для литературоведения. Сенсорно-перцептивный опыт не раз описывался как необходимое условие для развития творческого мышления и воображения. В своей работе о писателях и поэтах романтического направления К. Максуйни приводит цитату из одного письма С.Т. Кольриджа, который пишет, что «великий поэт должен иметь ухо дикого араба, вслушивающегося в тишину пустыни, глаз североамериканского индейца, идущего по стопам врага по устилающей лес листве, прикосновение слепца, проводящего рукой по лицу любимого ребенка» [McSweeney, 1998, p. 3] (*Перевод наш. – А. Н.*). В современное литературоведение вводится понятие «письма от тела» или «телесного письма» [Badley, 1996, p. 1], в котором автор задействует все свои перцептивные модусы и апеллирует к ощущениям своего читателя, ожидая от него соответствующего перцептивного отклика.

Социологический взгляд на ощущения панорамно представлен в журнале «Ощущения и общество» (*The Senses and society*), регулярно выходящем в Великобритании с 2006 г.

Активно развивается направление, именуемое «сенсорным музееведением», суть которого заключается в создании особой музейной среды, воздействующей на сенсориум своего посетителя и позволяющей добиться его вчувствования, вдействия в музейную экспозицию, в первую очередь посредством «тактильного участия» (*tactile engagement*) [Howes, 2014, p. 260].

Перцептивная проблематика все более и более активно осваивается лингвистами, как изучающими отдельные «сенсibiliиты» (Б. Рассел), так и предпринимающими попытки создания системной модели человеческого сенсориума [Харченко, 2012; Нагорная, 2014].

Совершенно очевидно, что ни одно из вышеуказанных направлений, несмотря на их четко позиционируемую дисциплинарную принадлежность, не является независимым и самостоятельным. Эти направления тесно переплетаются между собой, заимствуя друг у друга идеи, подходы, методы и терминологический аппарат. Такой синтез, пусть и не всегда формально признаваемый, естест-

вен, поскольку столь сложное и многоаспектное явление, как перцепция, не может эффективно изучаться посредством одной-единственной «концептуальной линзы», а требует сложной, многоступенчатой «концептуальной оптики», обеспечивающей возможность варьирования угла зрения, приближения анализируемого объекта либо, напротив, удаления его с целью получения более широкой перспективы, членения его на бесконечно малые фрагменты либо рассмотрения «крупным планом».

В условиях такого широкого междисциплинарного диалога естественным образом возникает вопрос о том, какая из существующих наук способна выступить в качестве интегрирующего, обобщающего начала, связующего воедино все многообразные штудии и позволяющего создать новую трансдисциплинарную область.

Есть основания полагать, что наиболее успешно с этой задачей может справиться лингвистика, поскольку именно словесная репрезентация ощущения позволяет нам изучать и анализировать перцептивные процессы как в синхронической, так и в диахронической перспективе. Так или иначе, это понимание пронизывает все существующие работы по перцепции. Известнейший труд М. Мерло-Понти «Феноменология восприятия» открывается вопросом о том, что есть ощущение, ответ на который философ ищет в языке («Мы находим в языке понятие ощущения» [Мерло-Понти, 1999, р. 25]). К. Геуртс недвусмысленно заявляет о том, что «понимание значительного количества наших ощущений зависит от языка, который мы используем» [Geurts, 2003, р. 3]. О принципиальной важности языковой составляющей пишут все исследователи, занимающиеся изучением болевых ощущений [Biro, 2010; Bourke, 2014]. Именно языковые, словесные репрезентации предоставляют нам доступ к тем структурам массового сознания, в которых фиксируются результаты перцептивного опыта, и позволяют нам сравнивать сенсориумы разных культур в разные исторические периоды. Язык дает нам ключ к тому понимаю перцептивных процессов, которое стихийно складывается в той или иной культуре, к исконному, «народному» пониманию сенсориума, анализ которого позволит пересмотреть и дополнить существующие научные концепции ощущений. Приведем лишь несколько примеров. Так, носители английского языка обозначают понятия «ощущение» и «смысл» одним и тем же словом («sense»). Это истори-

ческое совпадение может быть интерпретировано как истинное понимание того, что смысл происходящего обретается лишь в процессе чувственного его восприятия, а не интеллектуальной обработки. И для русско-, и для англоговорящих «прийти в чувство» («come to one's senses») означает обретение способности логически мыслить. По-видимому, для наивного сознания связь телесно-чувственного с мышлением никогда не вызывала сомнения, в отличие от сознания научного. По этой же причине, по-видимому, перцептивная лексика часто развивает эпистемические смыслы, используя для обозначения мыслительных процедур («я не *вижу* принципиальной разницы между этими теориями», «I see what you mean»). Анализ подобного языкового материала, несомненно, требует выхода за дисциплинарные границы лингвистики. Однако именно этот материал по сути и является отправной точкой всех гуманитарных исследований, тем самым превращая лингвистику в средство интеграции гуманитарного знания.

Изучение перцептивных процессов в гуманитарных науках находится лишь на одной из начальных стадий. В этих условиях актуально звучит идея «чувственного пробуждения» П. Столлера. По его мнению, ученые должны не только начать изучать ощущения, но и пробудить свой собственный сенсориум. Они должны научиться не только ощущать, но и излагать свои мысли с чувством, страстью, изобретательностью, так, чтобы они пробуждали перцептивный отклик. При этом может потребоваться экспериментирование с формами письма, с организацией работы, с использованием различных модусов репрезентации. П. Столлер пишет: «Застывшее от долгого сна где-то на заднем плане научной жизни, тело ученого жаждет потренировать свои мышцы. Сонное от долгого бездействия, оно стремится восстановить свою чувствительность. Безвольно плывя в море полужизни, оно хочет вдохнуть терпкий аромат бытия, провести ладонью по рваной поверхности реальности, услышать чудесные симфонии социального опыта, увидеть исполненные чувственности формы и цвета, которые заполняют окна сознания. Оно хочет пробудить воображение и вернуть ученый мир к самим вещам» [Stoller, 1997, p. XII] (Перевод наш. – А. Н.).

Мы убеждены, что такое «чувственное пробуждение» послужит дальнейшим толчком к исследованию перцептивных про-

цессов и будет способствовать новому синтезу знания, прочно укорененного в сфере чувственного.

Список литературы

1. *Киященко Л.П., Моисеев В.И.* Философия трансдисциплинарности. – М.: ИФ-РАН, 2009. – 205 с.
2. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента: Наука, 1999. – 606 с.
3. *Нагорная А.В.* Дискурс невыразимого: Вербалика внутрителесных ощущений. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 320 с.
4. *Харченко В.К.* Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 216 с.
5. *Badley L.* Writing horror and the body: The fiction of Stephen King, Clive Barker, and Anne Rice. – USA: Greenwood press, 1996. – 184 p.
6. *Biro D.* Listening to pain: Finding words, compassion, and relief. – N.Y.; L.: W.W. Norton & company, 2010. – 256 p.
7. *Bourke J.* The story of pain: From prayer to painkillers. – Oxford: Oxford univ. press, 2014. – 396 p.
8. *Classen C.* The deepest sense: A cultural history of touch. – Urbana: Univ. of Illinois press, 2012. – 256 p.
9. *Erlmann V.* Hearing cultures: Essays on sound, listening and modernity. – Bloomsbury academic, 2004. – 239 p.
10. *Geurts K.L.* Culture and the senses. Bodily ways of knowing in an African community. – Berkeley; Los Angeles: Univ. of California press, Ltd., 2002. – 330 p.
11. *Hall E.T.* The hidden dimension. – N.Y.: Random house, 1966. – 240 p.
12. *Howes D.* Sensual relations: Engaging the senses in culture and social theory. – Ann Arbor: The univ. of Michigan press, 2006. – 288 p.
13. *Howes D.* Introduction to sensory museology // The senses a. society. – 2014. – Vol. 9, Iss. 3. – P. 259–267.
14. *McHugh J.* Sandalwood and carrion: Smell in Indian religion and culture. – Oxford: Oxford univ. press, 2012. – 294 p.
15. *McLuhan M.* The Gutenberg galaxy: The making of typographic man. – Toronto: Univ. of Toronto press, 1962. – 293 p.
16. *McSweeney K.* Language of the senses: Sensory-perceptual dynamics in Wordsworth, Coleridge, Thoreau, Whitman, and Dickinson. – Canada: McGill-Queen's univ. press 1998. – 215 p.
17. *Morris D.B.* The culture of pain. – Berkeley; Los Angeles: Univ. of California press, 1993. – 344 p.
18. *Serres M.* The five senses: A philosophy of mingled bodies. – L.; N.Y. – Continuum intern. Publ. group, 2008. – 364 p.
19. *Giving the body its due / Ed. by Sheets-Johnstone M.* – N.Y.: State univ. of N.Y. press, 1992. – 239 p.

20. *Sherrington Ch.S.* The integrative action of the nervous system. – Liverpool; N.Y.: Charles Scribner's sons, 1906. – 412 p.
21. *Smith M.M.* Sensory history. – Oxford: Berg publ. Ltd., 2007. – 180 p.
22. *Stoller P.* Sensuous scholarship. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania press, 1997. – 184 p.
23. *Synnott A.* The body social. – L.: Routledge, 1993. – 320 p.
24. *Vannini Ph., Waskul D., Gottschalk S.* The senses in self, society, and culture. – N.Y.: Routledge, 2012. – 200 p.